

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Речевое манипулирование как вид манипулятивного воздействия: общая характеристика понятия	9
1. Манипуляция: определение понятия и дискуссия об её нравственной стороне	9
2. Проблема классификации видов манипулятивного воздействия	17
3. Речевое манипулирование как вид манипулятивного воздействия: определение и соотношение со смежными понятиями	23
Глава II. Технологии речевого манипулятивного воздействия	35
1. Этапы манипулятивного воздействия	35
2. Стратегии, тактики и приёмы речевого манипулирования: проблема соотношения понятий и классификации	46
3. Особенности преобразования и подачи информации манипулятором	53
4. Речевые (риторические) приёмы речевого манипулирования	65
4.1. Паралогические риторические приёмы в манипулятивной функции	66
4.2. Нарушения постулата количества с целью манипуляции	76
4.3. Манипулятивный потенциал стилистических приёмов	80
4.4. Приёмы неправдоподобного описания в манипулятивной функции	94
5. Средства речевой агрессии в процессе манипуляции	94
Вместо заключения	108
Литература	110

ХРЕСТОМАТИЯ

<i>О.Н. Быкова. К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ</i>	<i>124</i>
<i>О.С. Иссерс. ТЕКСТ НА УПАКОВКЕ ПРОДУКТОВ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ</i>	<i>130</i>
Обязательные компоненты текста на упаковке: когнитивно-прагматический анализ	131
Дополнительная информация на упаковке продуктов в когнитивном аспекте	136

<i>Е.Л. Доценко. МОШЕННИК И ЖЕРТВА: КОМУ БОЛЬШЕ</i>	
ДОСТАЛОСЬ	141
7.2. Мошенник и жертва: кому больше досталось?	141
7.2.1. История о том, как великий комбинатор прибирал к рукам бывшего предводителя дворянства	141
7.2.2. Был ли великий комбинатор великим манипулятором? ..	149
<i>Е.Л. Доценко. ОПЫТ «ИЗГОТОВЛЕНИЯ» ТРАГИЧЕСКОГО</i>	
МОЦАРТА	151
<i>А.П. Сковородников. ЯЗЫКОВОЕ НАСИЛИЕ</i>	
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ	158

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Если исходить из того, что риторическая культура, или — шире — культура речевого общения, заключается не только в эффективном использовании языка для передачи информации и воздействия на адресата в нужном для ратора направлении, но и в адекватной реакции адресата на эту информацию и это воздействие, то нужно признать, что наша система филологического образования, игнорируя проблематику языкового насилия [в том числе речевого манипулирования. — Г.К.], обедняет подготовку риторически грамотного слушателя и читателя» [145: 14]. Восстановить этот пробел и призвано данное учебное пособие, написанное на основе пятилетнего опыта ведения его автором спецсеминара по проблемам аргументации и речевого манипулирования на факультете филологии и журналистики Красноярского государственного университета.

Необходимость написания пособия, которое давало бы студентам (прежде всего филологам, получающим специализацию «Риторика») минимально необходимые лингвистические знания о механизме и приёмах речевого манипулирования, обусловлена также следующими факторами. Во-первых, проблема речевого манипулирования не рассматривается в теоретической части многочисленных учебников и учебных пособий по риторике и культуре речи; практические же их разделы включают недостаточное количество упражнений, связанных с нахождением и анализом средств речевого манипулирования, речевой демагогии или речевой агрессии, несмотря на реальную речевую практику, в которой манипулятивное воздействие весьма частотно. Во-вторых, существует большое количество психологической литературы, так или иначе посвящённой проблеме манипуляции, и в то же время сравнительно малое число лингвистических работ, написанных преимущественно в жанрах научных статей и тезисов. И наконец, нужно отметить наличие теоретических лакун в этой области исследования, в частности отсутствие общепринятых точек зрения на классификацию, терминологическое наименование речевых стратегий, тактик и приемов, используемых с целью скрытого внедрения в психику адресата нужной манипулятору информации, что затрудняет анализ речевых фактов манипулятивного воздействия.

Кроме того, в настоящее время мы являемся свидетелями ранее не виданного процесса участия психологов, лингвистов и специалистов других профессий в обучении всех желающих приёмам психологического воздействия, в том числе манипулятивного характера. Так, в конце книги И.О. Вагина «Как из мухи сделать слона...» размещена реклама «Академии иррациональной психологии», предлагающей обучение по направлениям: «Криминальное манипулирование (искусство обмана). Техники защит» (в рамках программы «Гений общения»), «Искусство скрытого и мыслительного гипноза, приёмы НЛП» (в рамках программы «Искусство продаж»), «Психологические приёмы манипулирования», «Проведение совещаний и манипуляция командой» (в рамках программы «Я — лидер») [33: 445—447].

Как говорится, есть спрос — есть и предложение. На прилавках магазинов появляются книги, ориентированные на обучение манипуляции. Таковыми, с нашей точки зрения, являются, например, «Чёрная риторика: Власть и магия слова» Карстена Бредемайера [18] и «Чёрный PR. Защита и нападение в бизнесе и не только» Антона Вуймы [40].

В связи с отмеченным чрезвычайно актуальны слова Е.Л. Доценко о том, что наличие готовых технологий манипулятивного воздействия «задает возможность использования их неспециалистами. Производимый этими технологиями психотехнический эффект создает у заказчика впечатление высокой профессиональной подготовки исполнителя-технолога. В результате технология, начав самостоятельную жизнь по законам рынка, допускает возможность своего употребления как средства достижения и негуманных целей» [52: 9].

Думается, что знание механизмов и приёмов речевой манипуляции (речевого манипулирования¹) поможет студентам более обдуманно воспринимать информацию, поступающую по разным каналам связи, в том числе через СМИ. Это способствует формированию такой личности, которая принимала бы активное участие в общественной жизни страны. Тем более что, как отмечает известный политолог С. Кара-Мурза, «...подавляющее большинство граждан не желают тратить ни душевных ни умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях. Во

¹ Термины *манипуляция* и *манипулирование*, вслед за Б. Бессоновым, будем считать синонимическими [14: 703].

многим это происходит потому, что пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал» [74: 20].

Теоретические знания и практические навыки нахождения манипулятивных приёмов способствуют выработке так называемого «нюха на манипуляцию», необходимость существования которого не вызывает сомнения, так как манипуляция сознанием и поведением человека — это «та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться» [74: 12]. Доступность знаний о приёмах речевой манипуляции сознанием делает возможным формирование навыков и умений защиты от неё.

Закономерно возникает вопрос: если человек будет знать приёмы манипуляции, то при желании он сможет применять их, а значит — не опасно ли такое обучение? Согласимся со словами Е.Л. Доценко о том, что «пристальное рассмотрение проблемы манипуляции <...> даёт больше преимуществ жертвам манипулятивного вторжения, а не манипуляторам» [52: 14], так как, зная технологию манипуляции, можно вырабатывать и соответствующие механизмы защиты. Тем более что сейчас имеются все необходимые условия для осмысления феномена манипуляции, в том числе многочисленная литература по рассматриваемой проблеме (список литературы см. в конце данного пособия).

Принципиально важно и то, что изучение механизма речевого манипулирования должно основываться на морально-нравственных критериях. Манипулятивные приёмы, широко представленные в текстах СМИ, нарушают этическую и коммуникативную нормы, и, тем самым, вопросы речевого манипулирования тесно связаны с категорией этоса в риторике и с этическим компонентом культуры речи в её современном понимании. Поэтому студент должен чётко понять и осмыслить, что манипуляция — это явление, которое не согласуется с нормами риторической этики.

В качестве иллюстраций в пособии используются примеры из различных областей речевой практики, в том числе из художественной литературы. Это связано с тем, что именно художественная литература анализирует мотивы человеческих поступков, рассматривает действия героев через призму нравственных норм той или иной культуры. Особенность манипуляции заключается в том, что манипулятор всегда стремится скрыть свои намерения, что вызывает значительные трудности при анализе текстов средств

массовой информации. В художественном же тексте сведения о намерениях, желаниях героев могут быть получены из его же слов, слов автора, из речи других персонажей, или, другими словами, в процессе изучения внутритекстовой коммуникации. Кроме того, рассмотрение проблемы манипуляции на основе анализа художественных произведений приучает к их внимательному чтению и более глубокому осмыслению.

Автор данного пособия осознает трудность предпринимаемой им попытки описания феномена речевого манипулирования, который необходимо изучать с учетом достижений психологии, политологии, нейролингвистического программирования и некоторых других областей знаний. Поэтому учебное пособие не претендует на роль как полного обзора научных трудов в этой области, так и всестороннего анализа явления речевого манипулирования.

В заключение выражаем глубокую благодарность рецензентам учебного пособия — доктору филологических наук профессору, члену Международной академии наук высшей школы Александру Петровичу Сквородникову, благодаря поддержке и советам которого стало возможным как написание данного пособия, так и в целом профессиональное развитие его автора; кандидату филологических наук доценту Ольге Николаевне Емельяновой за понимание и ценные замечания, оказавшие несомненную помощь при работе над рукописью.

Автор также благодарен коллегам по кафедре общего языкознания и риторики Алёне Александровне Кузнецовой, Татьяне Робертовне Петрат, Андрею Владимировичу Щербакову и другим за дружескую, творческую атмосферу, которая способствовала появлению данного учебного пособия.

Спасибо моей семье за терпение и поддержку.

Автор

Глава I

РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ВИД МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ

1. МАНИПУЛЯЦИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ДИСКУССИЯ ОБ ЕЁ ПРАВСТВЕННОЙ СТОРОНЕ

«Латинским прародителем» термина «манипуляция», как отмечает психолог Е.Л. Доценко, является слово *manipulus*: *manus* — рука + *ple* — наполнять [52: 44].

Политолог С. Кара-Мурза отмечает, что слово «манипуляция» в словарях европейских языков «толкуется как обращение с объектами с определенными намерениями, целями (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т.д.). Имеется в виду, что для таких действий требуются ловкость и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые как бы являются продолжением рук (рычаги, рукоятки), называются манипуляторами. <...> Отсюда произошло и современное переносное значение слова — ловкое обращение с людьми, как с объектами, вещами» [74: 15].

Эти значения слова «манипуляция» отражены и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «МАНИПУЛЯЦИЯ, -и, ж. 1. Сложный прием, действие над чем-н. при работе руками, ручным способом (книжн.). 2. *перен.* Прodelка, махинация (неодобр)»¹.

Слово «манипуляция», употреблённое во втором значении, таким образом, имеет неодобрительную окраску. Следовательно, манипулятивным мы назовём такое воздействие на наше поведение, которое вызовет у нас отрицательные эмоции, «которое, как пишет С. Кара-Мурза, побудило нас сделать такие поступки, что мы оказались в проигрыше, а то и в дураках». «Если приятель на ипподроме уговорил нас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: «Он мной манипулировал». Нет, он дал вам дельный совет, — рассуж-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологический выражений. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. С. 341.

дает исследователь. — С другой стороны, не всякое воздействие, подчиняясь которому вы оказались в убытке, вы назовёте манипуляцией. Если в темном переулке вам приставили нож к животу и шепнули: «Часы и деньги, быстро», то ваше поведение очень эффективно программируется. Но обозвать незнакомца манипулятором в голову не приходит» [74: 15].

Одно из значений термина «манипуляция» в психологических словарях — «активное перемещение животными компонентов среды в пространстве». Постепенно этот термин начинает использоваться в психологии межличностных отношений, где под объектами действий-манипуляций понимаются уже не компоненты среды, предметы, а люди, под манипуляторами же — те, кто стремятся этих людей «прибрать к рукам», превратить их в послушное орудие. Как отмечают исследователи, одним из этапов в развитии переносного значения слова «манипуляция» является его использование «применительно к демонстрации фокусов и карточным играм, в которых ценится искусность не только в проведении ложных отвлекающих приёмов, но и в сокрытии истинных действий или намерений, создании обманчивого впечатления или иллюзии» [52: 47]. Тем самым термином «манипуляция» обозначают управление, совершаемое искусно (с ловкостью), скрытно (скрывается как цель воздействия, так и его характер) и с корыстными намерениями. Именно в таком значении это слово, по мнению ученых, заменило ранее бытовавший термин *«макиавеллизм»* (обозначение позиции, согласно которой «цель оправдывает любые средства») [52: 45; 74: 22]¹.

Психолог Е.Л. Доценко, проанализировав словари и многочисленные (в том числе зарубежные) работы, рассматривающие проблему манипуляции, пришёл к выводу об отсутствии в большинстве источников определения манипуляции и, следовательно, о непроработанности этого понятия. Выявив признаки, используемые исследователями для определения манипуляции, сопоставив их и выделив обобщенные критерии этого понятия, Е.Л. Доценко предложил следующее определение: **«Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями»** [52: 59].

¹ Идентичным *манипуляции* по содержанию считают также термин, используемый философом Г. Шишковым, — *управляемое омассовление* [14: 703].

Учёный даёт и другие, как он пишет, «упрощённые» определения межличностной манипуляции. Приведём два из них: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент»; «это психологическое воздействие, направленное на неявное побуждение другого к совершению определённых манипулятором действий» [Там же: 60].

При этом под воздействием в самом общем смысле понимается процесс, «который реализуется в ходе взаимодействия двух или более равноупорядоченных систем и результатом которого является изменение в структуре <...>, состоянии хотя бы одной из этих систем» (Г.А. Ковалев // Цит. по кн.: [52: 61]).

Дефиниции манипуляции, предложенные другими учёными, отражают те же признаки этого явления. Ср., например: манипуляция — «программирование мнений и устремлений масс, их построений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [74: 16]; «скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору односторонние преимущества, мы называем манипуляцией» [182: 4]; «насилие, которое совершается скрытно, анонимно, вторгается в духовно-психологический мир человека, охватывая и сознательные, и бессознательные слои личности, причём внедряются нужные для властных или других структур установки, цели, стереотипы» [42: 91]. Таким образом, термин «манипуляция» имеет общепринятые содержание и объём.

В приведённых определениях содержатся главные **признаки манипуляции**, на которые исследователи обращают особое внимание:

1. Манипуляция — это *вид духовного, психологического воздействия, а не физическое насилие*. Это означает, что мишенью воздействия являются психические структуры человеческой личности.

2. Манипуляция — это *скрытое воздействие*. Конечная цель манипулятора и факт самого воздействия должны быть не замечены объектом манипуляции, у которого при этом обязательно сохраняется иллюзия самостоятельности принятия решений и осуществления действий. Тем самым, считают учёные, сокрытие и утаивание информации — обязательный признак манипуляции [74:

17]. Хотя исследователи (О. Коннор, тот же С. Кара-Мурза) отмечают, что некоторые приёмы манипуляции, наоборот, предполагают игру в искренность, «предельное самораскрытие». «Данная трудность, — пишет Е.Л. Доценко, — возникает из-за отсутствия различия между (а) сокрытием и искажением информации, составляющей содержание воздействия, (б) сокрытием самого факта воздействия и (в) сокрытием или искажением информации о намерениях манипулятора. Если учесть данное различие, то возражение относительно (а) не означает отвержения остальных двух. Наоборот, если в определении манипуляции положить обязательными (б) и (в), то критерий «скрытое воздействие» получит однозначное наполнение» [52: 54—55].

Манипуляция имеет место там, где другому человеку (объекту манипуляции) навязываются новые цели, которые им предположительно не преследовались. Е.Л. Доценко объясняет это следующим образом: «Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем на Пинск — это лишь обман. Если он может заподозрить обман, мы показываем ему верную дорогу в расчете, что он отвергнет нашу подсказку как обманную, — этот рефлексивный ход тоже не манипуляция, так как первоначальное намерение другого остается без изменений. <...> ...Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск. Или он вообще никуда не собирался, но решил сделать что-то благодаря нашему влиянию» [там же: 56—57].

При манипуляции, таким образом, важно ощущение самостоятельности принятия решения. Именно поэтому, отмечают исследователи, термин «манипуляция» не употребляется применительно к младенцам, так как они не способны сами принимать решения [52: 57; 74: 18].

3. Манипуляция — это *воздействие, требующее определённых знаний и значительного мастерства.*

4. *К объектам манипуляции относятся не как к личностям, а как к объектам, можно сказать, вещам.* Однако применительно к той или иной конкретной ситуации не всегда можно однозначно этот факт констатировать. «Влюбленная женщина может вести очень тонкую игру, чтобы разбудить ответные чувства, — воздействует на психику и поведение покорившего её воображение мужчины. Если она умна и терпелива, то до определенного момента она проводит свои маневры скрытно, и намерения её «жертва» не

обнаруживает. Это — ритуал любовных отношений, конкретный образ которого предписан каждой культурой. Если речь идёт об искренней любви, мы не назовём это манипуляцией. Иное дело — если хитрая бабёнка решила окрутить простофилю. Беда в том, что различить эти два случая непросто» [74: 17].

Нередко к манипулятивным относят любые техники косвенного воздействия, в том числе управленческие. «Конечно, всякая манипуляция основана на косвенном воздействии, но **качество быть манипуляцией задается не технологией, а намерением автора**: добиться одностороннего выигрыша, навязать адресату собственную цель и пр.» [52: 173] (выделено нами. — Г.К.).

Интересно, что, несмотря на последний признак манипуляции, вопрос об её нравственной, моральной стороне решается по-разному. Так, в учебнике «Управление общественными отношениями» под ред. В.С. Комаровского читаем: «Тем не менее понятие «манипулирование» нельзя, на наш взгляд, трактовать однозначно. Наряду с отрицательным оно имеет и положительный смысл — конструктивный, направленный на достижение цели в интересах народа и государства (т.е. здесь допускается, что цель может оправдывать применяемые средства). Например, сохранение целостности России (цель) оправдывает средства информационного воздействия при освещении чеченской войны, особенно первой». Более того, в этой же книге отмечается, что «процесс манипулирования часто развивается не по факту злого умысла, а по причине искренней веры его организаторов в ту или иную идею, программу» [167: 35], что, с нашей точки зрения, ничуть не оправдывает применяемые способы и методы воздействия на психику человека.

Е.Л. Доценко, встав временно на позицию манипулятора при объяснении материала, пишет: «Почему-то принято считать, что манипуляция — это плохо. Вы помните, зачем красавица Шехерезада рассказывала сказки своему грозному повелителю Шахрину? С помощью манипуляции она в течение почти трёх лет (!) спасала от смерти не только себя, но и самых красивых девушек своей страны. Таких примеров только в фольклоре можно найти десятки. Не только во времена сказок «1001 ночи», но и в нашей обыденной жизни манипуляция выполняет роль средства мягкой защиты от самодурства правителей, перегибов руководителей, дурного характера коллег или родственников, недружественных выпадов со стороны тех, с кем случайно довелось общаться» [52: 11].

По словам Л.Ю. Иванова, «встречаются и примеры манипулирования во имя общественного блага и свободы слова. Например, журналисты посредством речевой манипуляции желают оградить себя от уголовной ответственности за справедливую критику властей или отдельных коррумпированных влиятельных лиц» [69: 43]. О манипуляции как об одном из «способов выживания» пишут В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова и др. [92: 182].

Интересно такое замечание Е.Л. Доценко: «...Манипуляция может производиться и в интересах манипулируемого (по крайней мере, отчасти). Например, для того, чтобы кто-либо другой бросил курить, пить и т.п., порой употребляют самые изобретательные приёмы, в том числе манипулятивные» [52: 53]. Более того, он считает, что в некоторых случаях «...манипуляция все же предпочтительнее, чем физическая расправа или прямое принуждение» [Там же: 66].

Иная точка зрения у С. Кара-Мурзы. Рассуждая о том, предпочтительнее ли пряник кнуту, повышается или понижается статус человека при переходе от прямого принуждения к манипуляции его сознанием, он пишет: «Даже в «войне против всех», ведущейся по правилам гражданского общества (конкуренции), объекты воздействия делятся на три категории: друг, партнер, соперник. Специалисты сходятся на том, что человек, ставший объектом манипуляции, вообще выпадает из этой классификации. Он — не друг и не соперник. Он становится вещью» [74: 53]. Манипуляция аморальна еще и потому, что манипулятору (а это уже доказано психоаналитиками) проще всего «войти в союз с низкими и темными суб-Я человека. Легче возбудить и превратить в мощный импульс порочные, подавляемые влечения, усилить и «подкупить» их, побудить сделать противное всей личности в целом дело. <...> Склонность именно низких черт характера к заключению союза с «внешним врагом» — манипулятором — есть общий вывод множества исследований» [Там же: 77—78].

Манипуляция возникает на том этапе, когда открыто переиграть соперника уже не удаётся, а подавить его полностью ещё нет возможности [52: 81]. Поэтому манипуляции способствуют два соображения: «во-первых, хитрить приходится оттого, что непроизвольно грубо добиваться от человека требуемого, а «по-хорошему» не все умеют», и «во-вторых, манипуляцию провоцирует сладкое ощущение имеющейся возможности («дай-ка и я попробую»). Когда есть культурное разрешение, социальная поддержка,

межличностные образцы и внутреннее желание, технологическая возможность оказывается приятным подарком для манипулятора» [Там же: 99].

Манипуляция, по мнению психологов, приносит человеку лишь временное облегчение: «Одним из важных моментов внутреннего мира манипулятора является то, что он и сам является в известном роде жертвой манипуляции. Точнее, жертвой является его «Я», которым манипулируют различные субличности» [Там же: 94]. «Апеллируя к низменным мотивам, манипулятор невольно повышает их значимость в собственных глазах (например, как нечто очень полезное или эффективное)», он неизбежно испытывает трудности в межличностном общении, связанные с реакциями жертв [Там же: 177]. Л.К. Аверченко пишет: «В большинстве случаев манипулирование приносит несомненный вред самому манипулятору, маскируя его патологию, которая может обернуться расстроенной жизнью, разбитой семьей и разрушенной карьерой» [1: 143]. Поскольку манипулятор, отмечает исследователь, воспринимает других людей лишь в качестве орудия для достижения своих целей, он, по мнению представителей гуманистической психологии, теряет способность творчески переживать свое существование, не замечает действительного богатства жизни, превращается в «озабоченный автомат». Причины этого различны: неверие в себя и людей (Ф. Перлз); неумение любить по-настоящему (Э. Фромм); подавление человека социальной действительностью (Дж. Бугенталь); стремление взвалить ответственность на других (Э. Берн, Дж. Хейли, В. Глассер) и многие другие [Там же: 146—147].

По мнению В.П. Шейнова, не является манипуляцией «скрытое управление», преследующее «вполне благородные цели», например, «когда родитель вместо приказов незаметно и безболезненно управляет ребёнком, ненавязчиво подвигая его к действиям в правильном направлении. <...> Аналогично, если женщина с помощью женских хитростей скрыто управляет мужчиной, дабы он избавился от вредных привычек <...>, то можно только приветствовать такое управление» [182: 4].

Спорным в литературе является вопрос об отнесении к манипуляции этикетных формул. «Когда человек обращается к другому с использованием приёмов этикета повышенного ранга (например, утончённо вежливо), он, конечно, стремится повлиять на поведение партнера в свою пользу. Но это — не манипуляция, поскольку здесь не скрываются ни факт воздействия, ни намере-

ния. Напротив, знаковый язык должен быть понятен, иначе попытка воздействия и не может быть удачной. <...> ...Применяя правила этикета, мы вовсе не обращаемся с человеком как вещью, мы его уважаем как личность», — пишет С. Кара-Мурза [74: 18]. Прямо противоположную точку зрения высказывает А.Ю. Панасюк, утверждая, что этикетные формулы («здравствуйте», «спасибо» и др.) — это тоже манипулирование, поскольку, употребляя их, человек неосознанно удовлетворяет свои собственные потребности (чувство удовлетворения, стремление избежать неприятностей, а значит, потребность в самосохранении) и, следовательно, действует корыстно, что не подразумевает его собеседник [182: 160—163]. Думается, чего этикетные формулы могут выполнять манипулятивную функцию только в том случае, если мы при анализе ситуации можем констатировать наличие всех перечисленных признаков манипуляции, названных нами выше.

Е.В. Сидоренко считает, что «вопрос об этической допустимости манипуляции может обсуждаться долго и увлечённо. Как правило, эти обсуждения обречены на то, чтобы зайти в тупик». По мнению исследователя, необходимо «признать, что вопрос о том, применять ли манипуляцию и как её применять, — это вопрос индивидуального этического выбора человека» [142: 59]. Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения: предложенное решение вообще снимает проблему манипулирования в контексте этической нормы, что является необоснованным. Хотя некоторые психологи, в частности А.Ю. Панасюк, считает, что проблема манипулирования — это псевдопроблема и речь должна идти об использовании её технологии для достижения консенсуса, «взаимопонимания», а спорить можно о том, будет ли действительно от этого польза. Поэтому знать приёмы манипулирования необходимо для того, чтобы «побеждать тех, кто применяет психотехнологию во вред нам, этой же психотехнологией» [118: 164]. О необходимости обладания всеми навыками общения, в том числе мунипулятивными, пишут и филологи: «...В различных аудиториях, при общении с различными типами собеседников появляется необходимость как в речевом воздействии, так и в манипуляции». Отмечается даже, что «манипуляция как тип речевого воздействия не может рассматриваться в качестве «ругательного слова» или морально осуждаемого способа речевого воздействия» [153: 72].

Таким образом, вопрос о нравственной стороне манипуляции остается открытым. И тем не менее можно однозначно утвер-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru